

Владимир Гиляровский

МОИ СКИТАНИЯ

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Г47

Гиляровский, В. А.

Г47 Мои скитания / В. А. Гиляровский. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 372 с. — (RUGRAM-КЛАССИКА.).

ISBN 978-5-519-72878-2

В нашем новом проекте вы найдете как книги из «золотого фонда» классической русской литературы, так и редкие, почти забытые, произведения авторов, оставшихся в тени своих великих современников. Эти книги не утратили самобытной актуальности, сегодня, как и сто лет назад, они определяют пути русской культуры, ищут ответы на «проклятые вопросы».

Без этих книг невозможно понять кто мы, кем мы были, куда движемся. Мы отобрали для вас самые важные тексты русских классиков, представили их в наиболее полных редакциях, без каких либо сокращений и цензурных изъятий, и составили серию RUGRAM-КЛАССИКА.

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-72878-2

© Т8RUGRAM, оформление, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

Содержание

Глава первая. Детство	5
Глава вторая. В народ	55
Глава третья. В полку	90
Глава четвертая. Зимогоры.	126
Глава пятая. Обреченные	159
Глава шестая. Тюрьма и воля.	178
Глава седьмая. Театр	204
Глава восьмая. Турецкая война	242
Глава девятая. Актерство	270
Глава десятая. В москве	296
Глава одиннадцатая. Репортерство	311
Глава двенадцатая. С бурлаком на волге.	360

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДЕТСТВО

**Ушкуйник и запорожец. Мать и бабушка. Азбука.
В лесах дремучих. Вологда в 60х годах. Политическая
ссылка. Нигилисты и народники. Губернские власти.
Аристократическое воспитание. Охота на медведя.
Матрос Китаев. Гимназия. Цирк и театр. «Идиот».
Учителя и сальто-мортале.**

Бесконечные дремучие, девственные леса вологодские сливаются на севере с тундрой, берегом Ледовитого океана, на восток, через Уральский хребет, с сибирской тайгой, которой, кажется, и конца края нет, а на западе опять до моря тянутся леса да болота, болота да леса.

И одна главная дорога с юга на север, до Белого моря, до Архангельска — это Северная Двина. Дорога летняя. Зимняя дорога, по которой из Архангельска зимой рыбу возят, шла вдоль Двины, через села и деревни. Народ селился, конечно, ближе к пути, к рекам, а там, дальше, глушь беспросветная да болота непролазные,

диким зверем населенные... Да и народ такой же дикий блудился от рождения до веку в этих лесах... Недаром говорили:

— Вологжане в трех соснах заблудились. И отвечали на это вологжане:

— Всяк заблудится! Сосна от сосны верст со сто, а меж соснами лесок строевой.

Родился я в лесном хуторе за Кубенским озером, и часть детства своего провел в дремучих домшинских лесах, где по волокам да болотам непроходимым — медведи пешком ходят, а волки стаями волочатся.

В Домшине пробегала через леса дремучие быстрая речонка Тошня, а за ней, среди вековых лесов, болота. А за этими болотами скиты раскольничьи (люди древнего благочестия — звали они себя.), куда доступ был только зимой, по тайным нарубкам на деревьях, которые чужому и не приметить, а летом на шестах пробираться приходилось, да и то в знакомых местах, а то попадешь в болотное окно, сразу провалишься — и конец. А то чуть с кочки оступишься — тина засосет, не выпустит сверху человека и затянет.

На шестах пробирались. Подойдешь к болоту в сопровождении своего, знакомого человека, а он откуда-то из-под корней шесты трехсаженные несет.

Возьмешь два шеста, просунешь по пути следования по болоту один шест, а потом параллельно ему, на аршин расстояния — другой, станешь на четвереньки — ногами на одном месте, а руками на другом — и ползешь

боком вперед, передвигаешь ноги по одному шесту и руки иногда по локоть в воде, по другому. Дойдешь до конца шестов — на одном стоишь, а другой вперед двигаешь. И это был единственный путь в раскольничьи скиты, где уж очень хорошими пряниками горячими с соевым медом угощала меня мать Манефа.

Разбросаны эти скиты были за болотами на высоких местах, красной сосной поросших. Когда они появились, никто и не помнил, а старики и старухи были в них здесь родившиеся и никуда больше не ходившие... В белых рубашках, в лаптях. Волосы подстрижены спереди челкой, а на затылке круглые проплешины до кожи выстрижены — «гуменышко» называли они это стриженное место. Бороды у них косматые, никогда их ножницы не касались, и ногти на ногах и руках черные да закорузлые, вокруг пальцев закрученные, отроду не стриглись.

А потому, что они веровали, что рай находится на высокой горе, и после смерти надо карабкаться вверх, чтобы до него добраться, — а тут ногти-то и будут нужны (легенды искания рая с 12го века). Так все веровали и никто не стриг ногтей.

Чистота в избах была удивительная. Освещение — лучина в светце. По вечерам женщины сидят на лавках, прядут «куделю» и поют духовные стихи. Посуда своей работы, деревянная и глиняная. Но чашка и ложка были у каждого своя, и, если кто-нибудь посторонний, не их веры, поел из чашки или попил от ковша, то она считалась поганой, «обмирщенной», и пряталась отдельно.

Я раза три был у матери Манефы — ее сын Трефилий Спиридоньевич был другом моего «дядьки», беглого матроса, старика Китаева, который и водил меня в этот скит...

— Смотаемся в поморский волок, — скажет, бывало, он мне, и я радовался.

Волок — другого слова у древних раскольников для леса не было. Лес они называли бревна да доски.

Да и вообще в те времена и крестьяне так говорили. Бывало, спросишь:

— Далеко ли до Ватланова.

— Волок, да волок — да Ватланово.

— Волок, да волок, да Вологда.

Это значит, надо пройти лес, потом поле и деревушку, а за ней опять лес, опять волок.

Откуда это слово — а это слово самое что ни есть древнее. В древней Руси назывались так сухие пути, соединяющие две водные системы, где товары, а иногда и лодки перевозили от реки до реки...

Но в Вологодской губернии тогда каждый лес звался волоком. Да и верно: взять хоть поморский этот скит, куда ни на какой телеге не проедешь, а через болота всякий груз приходилось на себе волочь или на волокушах — нечто вроде саней, без полозьев, из мелких деревьев. Нарубят, свяжут за комли, а на верхушки, которые не затонут, груз кладут. Вот это и волок.

— Не бегай в волок, волк в волоке, — говорят ребята.

Вологда. Корень этого слова, думаю, волок и только волок.

Вологда существовала еще до основания Москвы — это известно по истории. Она была основана выходцами из Новгорода. А почему названа Вологда — рисуется мне так:

Было на месте настоящего города тогда поселеньеице, где жили новгородцы, которое, может быть, и названия не имело. И вернулся непроходимыми лесами оттуда в Новгород какой-нибудь поселенец и рассказывает, как туда добраться.

— Волок да волок, волок да волок, а там и жилье. И невольно остается в памяти слушающего музыка слов, и безымянное жилье стало: — Вологда.

— Волок да волок...

* * *

Родился я в глухих Сямских лесах Вологодской губернии, где отец после окончания курса семинарии был помощником управляющего лесным имением графа Олсуфьева, а управляющим был черноморский казак Петро Иванович Усатый, в 40-х годах променявший кубанские плавни на леса севера и одновременно фамилию Усатый на Мусатов, так, по крайней мере, адресовали ему письма из барской конторы, между тем как на письмах с Кубани значилось Усатому. Его отец, запорожец, после разгрома Сечи в 1775 г. Екатериной ушел на Кубань, где

обзавелся семейством и где вырос Петр Иванович, участвовавший в покорении Кавказа. С Кубани сюда он прибыл с женой и малолетней дочкой к Олсуфьеву, тоже участнику кавказских войн. Отец мой, новгородец с Белоозера, через год после службы в имении, женился на шестнадцатилетней дочери его Надежде Петровне.

Наша семья жила очень дружно. Отец и дед были взятые охотники и рыболовы, первые медвежатники на всю округу, в одиночку с рогатиной ходили на медведя. Дед чуть не саженого роста, сухой, жилистый, носил всегда свою черкесскую косматую папаху и никогда никаких шуб, кроме лисьей, домоткацкого сукна чамарки и грубой свитки, которая была так широка, что её можно было покрыть лошадь с ногами и головой.

Моя бабушка, Прасковья Борисовна, и моя мать. Надежда Петровна, сидя по вечерам за работой, причем мама вышивала, а бабушка плела кружева, пели казачьи песни, а мама иногда читала вслух Пушкина и Лермонтова. Она и сама писала стихи. У нее была сафьянная тетрадка со стихами, которую после ее кончины так и не нашли, а при жизни она ее никому не показывала и читала только, когда мы были втроем. Может быть, она сожгла ее во время болезни? Я хорошо помню одно из стихотворений про звездочку, которая упала с неба и погибла на земле.

Дед мой любил слушать Пушкина и особенно Рыльева, тетрадка со стихами которого, тогда запрещенными, была у отца с семинарских времен. Отец тоже часто чи-